показывает актуальность и историческую необходимость обращения к вопросам национальной идентичности, взаимодействия различных культур, сохранения и преумножения духовных и материальных ценностей.

Знание идей, на основе которых формировалась культура России, понимание взаимосвязей, которые существуют между народами и этносами, приобретают сегодня особую важность. Работа в этом направлении должна быть постоянной и достаточно интенсивной, и коллективный труд «Творческое наследие Н.Я. Данилевского: история и современность», безусловно, является весомым вкладом в решение этих вопросов. Несомненно, он вызовет интерес не только у профессионалов, но и со стороны самого широкого круга читателей.

МГУ имени М.В. Ломоносова **Л.Р. Авдеева**
alrlot@yandex.ru

Визгин В.П. *Одиночество и свобода: очерки истории швейцарской философии XIX века*. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. – 370 с. ISBN 978-5-98712-425-3.

DOI: 10.21146/0134-8655-2025-40-2-149-154 УДК 1(091)

Новое исследование Виктора Павловича Визгина посвящено нестандартной для отечественной академической традиции проблематике. Швейцарская философия периода ее расцвета до сих пор не становилась предметом пристального изучения со стороны российских ученых. Раскрытие автором содержания того предметного поля, которое ускользало прежде от внимания нашего философского сообщества, важно не ради «заполнения» неких несущественных лакун, но для воссоздания более полной и точной картины развития европейской и российской культуры в один из наиболее насыщенных событиями период

© Кротов А.А., 2025

всемирной истории. Избранный автором ракурс исследования не может не импонировать многомерностью поставленных целей.

Работа не сводится к скрупулезному анализу текстов швейцарских мыслителей. Анализ такого рода, конечно, в книге присутствует и выполнен с безупречной точностью. Но цели автора этим не ограничиваются. Его подлинный замысел – показать реальное взаимодействие философских традиций, раскрыть роль швейцарской философии как посредника в диалоге французской и немецкой мысли. Присутствует в работе и не менее важный смысловой пласт, связанный с темой восприятия рассматриваемых автором идей в русской философии.

Два главных героя книги Визгина – Анри Амьель и Шарль Секретан. Отметим, что обращение к ним выглядит логичным продолжением исследований нашего автора, затрагивающих швейцарскую философскую культуру в ее взаимодействии с французской мыслью (речь о руссоизме и Жермене де Сталь)[1].

Автор книги не ограничивается историко-философской реконструкцией взглядов Амьеля и Секретана. Он анализирует их труды, сопереживая своим героям, но не умалчивая о слабых сторонах их учений и не скрывая собственной философской позиции. Перед нами – книга философа, размышляющего о фундаментальных мировоззренческих проблемах, отталкиваясь от заинтересовавших его концепций XIX столетия.

Визгин справедливо подчеркивает специфику культурной и философской среды, выступающую общим элементом, объединяющим творчество обоих мыслителей.

> Амьель и Секретан принадлежали к интеллектуальной элите швейцарского и французского протестантизма середины XIX в. Это был круг людей, вовлеченных в тот мир идей, основу которого, помимо общего наследия протестантской религиозности, составляли традиции французского спиритуализма, идущего от Мен де Бирана (1766–1824), и немецкого классического идеализма от Канта до Шеллинга (с. 7).

[1] В.П. Визгин, *Очерки истории французской мысли* (М.: ИФ РАН, 2013).

Но отмечает он и резкие контрасты, сопряженные с их жизненным и творческим путем. Будучи знакомы друг с другом, друзьями они так и не стали. Амьель, всю жизнь остававшийся холостяком, не достиг академических высот, хотя был профессором философии. Его главные достижения лежат не в сфере преподавания, а связаны с «Дневником», изданным уже после его смерти. Секретан же, напротив, ценил семейный быт, активно вмешивался в политическую борьбу своего времени, был хорошо известен современникам в качестве автора ряда книг, посвященных религиозной и философской проблематике. Ему принадлежит один из шедевров XIX в. – двухтомная «Философия свободы». Амьель – моралист, погруженный в тонкий психологический самоанализ. Секретан – философ, сконцентрировавшийся на теме свободы, оригинально ее интерпретирующий, связывающий ее с проблематикой природы бытия и христианской моралью.

Амьель чувствовал духовную близость с Мен де Бираном, автором «Личного дневника», но также и критиковал его под влиянием немецких философов. Общая оценка Визгина поэтична, равно как и философична:

> Читая дневник Амьеля, мы слышим внутреннюю речь мыслящей души, подобно голосу одинокой скрипки, доносящей до нас экзистенциальную тревогу, скепсис и пессимизм человека XIX в. (с. 8)

Не всё вызывает восторг в этой внутренней речи у нашего автора. При всей ее искренности и изысканности, Визгин замечает в ней и «металлический привкус» далеких от жизни рассудочных схем. В целом же Визгин использует «Дневник» Амьеля как средство приблизиться к пониманию ментальности XIX в., для которой характерна, как он отмечает, «априорная установка на идеальность». Этой общекультурной установки автор не видит в наше время. В прошлом она нередко сопровождалась поклонением абстракциям, что влекло за собой непримиримые столкновения ценностных ориентиров.

Слабой стороной учения Амьеля автор по праву объявляет его философию истории. Она выглядит примитивной схемой, лишь отдаленно напоминающей о реальных событиях.

> Читать его версию войны 1812 г. нам просто смешно. Мол, великий Наполеон нес свободу и цивилизацию потомкам диких кочевников… (с. 39)

Разумеется, не этой своей стороной наследие Амьеля может быть в первую очередь интересно современному читателю. Для ценителей русской культуры прежде всего важна его роль в эволюции взглядов Льва Толстого. Визгин справедливо отмечает, что, по существу, именно Толстой первым познакомил русскую читающую публику с духовным миром Амьеля. Русский писатель полагал, что Амьель приблизился к истинному пониманию христианства, именно поэтому сам выбрал отрывки из «Дневника», которые появились с его предисловием в переводе М.Л. Толстой (1894 г.). «Дневник» женевского философа Лев Толстой относил к числу лучших книг, созданных выдающимися представителями человечества. Это, по его мнению, книга «мудрости, поучительности, утешения», хотя и не лишенная недостатков, к коим великий русский писатель относил «балласт эстетического образования», вовсе не нужный для дела спасения.

Шарль Секретан также не остался без внимания со стороны русских философов. Его упоминают в своих исследованиях, связанных с проблематикой свободы, Н.О. Лосский и Н.А. Бердяев. Визгин таким образом резюмирует учение лозаннского профессора:

> философия Секретана есть христианский либерал-солидаризм, метафизический горизонт которого задан учением о свободе как абсолюте (с. 127).

Личностные истоки философии Секретана он связывает с религиозным переживанием вечности. Отсюда стремление к построению «апологетики философской», каковую автор монографии именует «сверхцелью» творческих усилий Секретана. Как и Амьель, Секретан использовал в качестве точки опоры учение Мен де Бирана, равным образом и немецких философов (Канта и Шеллинга). Правда, истолковывал он их отнюдь не в тождественном Амьелю ключе. Концепция Секретана несовместима с позитивизмом, хотя лозаннский профессор и стремился отдавать должное науке. При этом, как тонко подмечает Визгин,

> В основу его философствования о мире, человеке и Боге был положен факт морального сознания как зова совести и долга (с. 102–103).

Размышляя по вопросу о соотношении философии и религии, Секретан отказывался признать тезис об их взаимной независимости. Свободный поиск философского разума, по его мнению, обнаруживает в христианстве наиболее полные ответы. Но речь не идет о подчинении одного начала другому. Знание механизмов эволюции не дает понимания того, почему они действуют. Для решения этого вопроса, согласно Секретану, требуется обращение к христианской философии свободы. Для него прогресс обусловливается Провидением, допускающим наличие свободно действующих моральных существ. Механическую же концепцию прогресса Секретан категорически отвергал. Поэтому человек не может предвидеть абсолютно точно будущее мира.

Происхождение религии Секретан связывал с моральным чувством, отсылающим к представлению о долге. Общество поддерживается религией, ее ослабление делает его неустойчивым. Секретан считал современную цивилизацию умирающей из-за распространения безверия. Симптомами ее крушения могут стать будущие «массовые бойни», неизбежные в период ослабления роли религии. Но даже после некой возможной исторической «катастрофы» человечество способно восстать из пепла благодаря росткам религии.

С точки зрения автора монографии, историческая ценность философии Секретана в том, что она позволяет убедиться в бесплодности абстрактно-дедуктивного метода изучения проблемы свободы.

> Поэтому один из главных выводов, делаемый нами из изучения опыта Секретана, состоит в том, чтобы в исследовании свободы идти экзистенциально-феноменологическим путем (с. 311).

Но это не означает, что такого рода путь должен быть повторением маршрута лозаннского философа. Ибо, по мнению автора монографии о нём, философии Секретана недостает разработки богочеловеческого аспекта проблемы свободы. «Дело в том,

что само таинство Воплощения вынесено им за пределы его метафизики» (с. 326). Потому-то содержание свободы раскрыто Секретаном, по мысли Визгина, «не в полной мере».

Примечательны размышления автора монографии о различии в отношении к Другому в западной и российской культуре. В западной модели, говорит он, преобладает момент привязанности к собственной индивидуальности.

> Отсюда современная западная идеология терпимости как толерантности – Другое надо претерпевать, заставлять себя его выносить в интересах мирного сосуществования. При этом о симпатии к нему, тем паче о любви нет и речи. У нас же другой тип отношения […]. Своеобразие другого народа нас не раздражает, а, скорее, привлекает, в отличие от западного человека, привыкшего к завышенной самооценке и всей своей цивилизации (с. 116).

Отдельный раздел книги посвящен сопоставлению идей Секретана и русских мыслителей – Бердяева, Толстого, Тютчева. Немалую историко-философскую ценность имеют помещенные в приложении к основному тексту переводы автора из переписки Секретана с Феликсом Равессоном и Шарлем Ренувье, а также статьи Александра Маурера, лично знавшего лозаннского философа. Новая книга расширяет представления не только о зарубежной, но и нашей собственной культуре.

МГУ имени М.В. Ломоносова **А.А. Кротов**
krotov@philos.msu.ru